

Сэр Исая Берлин

5 ноября в Оксфорде скончался сэр Исая Берлин, философ и историк европейской мысли, которого многие склонны считать одним из самых блестящих людей его стремительно редющего поколения. Он родился в 1909 году в Риге, где получил русское воспитание. 12-летним ребенком родители увезли его в Англию, ставшую его второй родиной и оценившую многообразие его талантов: здесь он получил звание оксфордского профессора, главы колледжа «All Souls», с которым был связан всю жизнь, президента Британской Академии. Монархия отозвалась на его заслуги, посвятив его в рыцари: во время войны сэр Исая был сотрудником британского посольства в Вашингтоне, и его знаменитые еженедельные политические обзоры принесли ему известность в английских политических кругах.

В 1946 году он временно занимал пост первого секретаря британского посольства в Москве, где он познакомился с Пастернаком, а будучи в Ленинграде, встречался с Ахматовой, что, несомненно, не укрылось от недреманного ока властей. Ахматова считала, что именно эти визиты повлекли за собой знаменитое ждановское постановление, в котором она была всенародно предана «анафеме» и после которого ее десять лет не печатали.

Так или иначе, будучи втянут в мощный мифологизирующий универсум Ахматовой, Исая Берлин тоже приобрел черты человека-мифа — по крайней мере для русских ценителей ее творчества, в котором тот нашел прочное место, став «гостем из будущего» в «Поэме без героя». Десятилетием позже, когда Берлин снова приезжал в Россию, Ахматова уже не решилась с ним встретиться, но посвятила ему великолепный цикл стихотворений «Шиповник цветет», где он уподоблен Энею, покидающему Дидону, чтобы отплыть в Италию.

Вернувшись в Оксфорд по окончании войны, молодой профессор отошел от занятый философией в собственном смысле слова, сосредоточившись на ее истории и на том, что в русской традиции называют «жизнью идей». Его книга «Русские мыслители» познакомила Запад с совершенно неизвестной в то время русской философией XIX века, с историей русской интеллигенции.

Но наибольшую известность получил его очерк о Толстом и Достоевском: он противопоставляет одного другому, прибегая к притче о лисице, которая знает множество разных вещей, и еж, который знает правду одну, но главную. Сам И. Берлин в своих интерпретациях тяготел к плюрализму, соответствующему, в его толковании, многообразию жизни и ее фундаментальной ценностной противоречивости. Он показывал, что некоторые ценности, оставаясь противоречивыми, тем не менее прекрасно уживаются друг с другом, но есть и иные, между собой не совместимые, как, например, равенство и абсолютная свобода — эта трагическая дихотомия имеет в истории человечества далеко идущие последствия.

Подобно Бэкону, борвшемуся с интеллектуальными «идолами» моделей сознания, сэр Исая Берлин восставал против философского монизма — презумпции существо-

ют, конечно, и социальные утопии, во имя которых приносились в нашем веке несслыханные жертвы. К числу других, наиболее пагубных моделей сознания сэр Исая Берлин относит, с одной стороны, релятивизм — представление об относительности и взаимозаменяемости любых ценностей, с другой — детерминизм, исходящий из предопределенности исторических событий и отрицающий «роль личности в истории».

Бесконечно благожелательный и не менее отзывчивый (редкость для философа нового времени) к людям, нежели к идеям, сэр Исая мог стать, например, объектом бесцеремонной эксплуатации со стороны К.К., своего русского знакомого, годами заставлявшего его платить за университетское обучение в Англии своего сына, к наукам явно не пригодного и так и не закончившего курса.

Обладая несравненным чувством юмора, сэр Исая был знатоком ныне почти утраченного искусства «causerie». Он доводил до логического предела экзистенциальную сущность высказывания, реализует ее потенции в беседе, незаметно мобилизирующей интеллектуальные и душевные ресурсы собеседника и открывающей путь в «широкое понимание». Он встречал за свою долгую жизнь очень, очень много людей и мог говорить о Набокове и Стравинском, которых видел 40 лет назад, точно так же, как о Бродском или Менухине, с которыми встречался вчера; казалось, что и со своими любимыми героями прошлого — Джамбаттистой Вико или Герценом — он знаком не хуже. Положением, которое он занимал в английском обществе, он напоминал прустовского Свана. К нему можно было применить слова Толстого о Стиве Облонском, который был в наилучших отношениях со столькими людьми — от швейцара до министра, — что если бы некоторые из них узнали, что у них есть общий знакомый, они бы невероятно удивились...

Восемь лет назад я впервые приехал к сэру Исаяе в Хедингтон-хаус в пригороде Оксфорда, чтобы взять юбилейное интервью, которое потом передавалось по русской службе Би-Би-Си и было напечатано в «PM» №3833. В последний раз я видел его в Лондоне прошлой зимой: сначала мы встретились в «Атенеуме», клубе, где он чаще всего назначал лондонские свидания, потом вместе поехали на вечер памяти Бродского в лондонском университете: поэт и философ относились друг к другу с бесконечной симпатией. Между этими двумя встречами было множество других, в том же «Атенеуме», в том же Хедингтоне, в его кабинете в «All Souls», в Портофино в Италии. Но отчего-то мне особенно памятен концерт в Эвери Фишер-холле в честь 80-летия сэра Исая, состоявший только из произведений его любимого Моцарта в исполнении Дитриха Фишера-Дискау и Альфреда Бренделя (см. «PM» №3802). Сам юбиляр приехал в последнюю минуту, и я будто сейчас вижу, как он под руку с леди Айлин, неторопливо раскланиваясь со знакомыми, поднимается по лестнице... В антракте его обступили друзья; пошел и я, который с ним познакомился лишь недавно, и сэр Исая, представив меня двум-трем старым приятелям, перешел к другой группе людей, также ожидавших его внимания, глуховатой своей скороговоркой не забыв перед этим наказать мне по-русски: «Разговаривайте!».

Исая Берлин. 60-е годы.

Русские мыслители - Берлин - 1997 - 11-17 дек. - с. 12.